

Глава 5

Кусок вяленого мяса, принесённый Цзян Даню, был не больше ладони — таким и собаку кинуть стыдно. Но для трёх братьев Цзян это была настоящая радость.

Вяленое мясо вкуснее всего жарить с чесночными побегами. Проводив Цзян Даню, Цзян Сяои тут же собрался в огород.

В эти времена зерно ценилось на вес золота. Цзинь риса-сырца стоил шесть-семь вэней, а свежий урожай мог доходить и до восьми. Самый дешёвый неочищенный рис — и тот стоил три вэня за цзинь.

Поэтому Цзян Сяои засадил овощами весь огород. Свои овощи ничего не стоили, а живот набить ими можно. В деревне, если ты трудолюбив, всегда найдёшь, чем прокормиться.

Летом он посадил немного чеснока, и сейчас тот как раз вырос — свежий и зелёный. Половину мяса он решил пожарить с чесночными побегами, а другую половину потушить с овощами.

Цзян Сяосань пошёл с ним. Этот мальчишка хоть и был простоват, но отличался редким трудолюбием. Он никогда не сидел без дела: то хворост у подножия горы собирает, то в огороде сорняки полют. Сейчас он с маленькой корзинкой за спиной семенил за Цзян Сяои и, подняв три пальца, объявил:

— Брат, сегодня надо набрать много-много овощей. Сяосань съест три миски!

Цзян Сяои с улыбкой потрепал его по голове.

— Хорошо.

Их огород располагался у ручья, по соседству с участком семьи Лю. Ещё издали Цзян Сяои увидел идущую навстречу жену Лю.

Госпожа Лю была местной, ровесницей Цзян Сяои. Но сейчас она вела одного ребёнка за руку, другого несла на руках, а третий уже был в животе. Увидев её, Цзян Сяои почувствовал укол зависти.

В одном возрасте, а у неё уже дети скоро в лавку за соевым соусом бегать будут. Он же до сих пор ни разу за руку парня не держался, и ни одна сваха порог его дома не переступила.

Почему жизнь так несправедлива?

— О, за овощами пришёл? — криво усмехнулась госпожа Лю. — Я тут смотрю, твоя редька так хорошо растёт, а моя что-то не очень...

Такие разговоры Цзян Сяои слышал не раз. Он знал, что с госпожой Лю у них отношения не самые лучшие, и её улыбка не предвещала ничего хорошего. Сердце ёкнуло. И действительно, госпожа Лю продолжила:

— Ну ты и молодец, даже бык старосты так не пашет, как ты. Жаль только, что семья тебя тянет вниз. Если бы не они, я бы, может, и не вышла замуж за Лю.

Её слова сочли ядом. Цзян Сяои нахмурился. Он никак не мог понять, чем так насолил госпоже Лю. Хотя они и жили в одной деревне, но деревня Сяошань была немаленькой: дом семьи Лю стоял в начале деревни, а его — в конце. Они почти не пересекались. До замужества госпожа Лю редко выходила из дома, а Цзян Сяои был вечно занят и почти не разговаривал с ней. Но в последние годы каждая их встреча сопровождалась колкостями с её стороны.

Что значит «пашет как бык»?

И при чём тут её замужество?

Цзян Сяои был не из тех, кто стерпит обиду. Он упёр руки в бока и ответил:

— Надо же, какие слова. Ты и сама молодец. Другие за три года двоих рожают, а ты — троих. Даже свиноматка дяди Цяня с тобой не сравнится. Я тебе так завидую.

В соседних огородах работали женщины. Услышав слова Цзян Сяои, они не смогли сдержать смеха.

Лицо госпожи Лю мгновенно почернело.

Вообще-то, для замужней женщины чем больше детей, тем больше почёта. Если жена не могла родить, её не любила семья мужа.

И женить сыновей в деревне старались на девушках с широкими бёдрами — считалось, что они плодovиты.

Госпожа Лю, не прошло и трёх лет с её замужества, как она уже ждала третьего. Первые два сына родились один в начале года, другой в конце. Сейчас младшему было всего несколько месяцев, а у неё снова был большой живот. Кто-то в деревне хвалил её, а кто-то отпускал едкие замечания.

Свиноматка дяди Цяня была куплена недавно. Может, потому что это был её первый опорос,

она родила всего двух поросят. А потом что-то пошло не так, и она больше не беременела. Дядя Цянь хотел было зарезать её, но супруг Цянь воспротивился, надеясь, что в следующем году она всё же оплодотворится.

В итоге за три года свиноматка принесла всего двух поросят, а госпожа Лю за то же время — троих детей. Разве она не плодовитее свиноматки?

На узкой тропинке побеждает тот, кто смелее.

Госпожа Лю хотела было ответить, но, не успев открыть рта, услышала скрежет зубов. Она опустила взгляд и увидела Цзян Сяосаня, сжимавшего серп. Его глаза, ставшие больше бычьих, сверлили её злобным взглядом. Казалось, скажи она ещё хоть слово, и он бросится на неё с серпом.

Все в деревне знали, что Цзян Сяосань был немного не в себе, но больше всего на свете он любил своего старшего брата. Он мог не слушать отца, но для Цзян Сяои был готов на всё. Скажи брат идти на запад — он никогда не пойдёт на восток. Обычно, когда он работал на улице и деревенские дети его задирали, он не отвечал, был тихим и забитым. Но стоило кому-то сказать плохое слово о Цзян Сяои, как он, словно набравшись храбрости у самого неба, бросался в драку.

Однажды Лю Мацзы просто преградил Цзян Сяои дорогу. Сяосань, увидев это издалека, схватил палку, подбежал и со всей силы ударил Лю Мацзы по спине.

Госпожа Лю тогда тоже была там. Лю Мацзы выл от боли.

А сейчас у мальчишки в руках было оружие. Она побоялась связываться. Но и молчать было стыдно. Пока она колебалась, Цзян Сяои, которому не терпелось вернуться домой и отведать мяса, лишь бросил на неё взгляд и, взяв Сяосаня за руку, пошёл прочь.

Госпожа Лю плюнула ему в спину.

— Дрянь. Никто замуж не берёт. Неудивительно, что даже родная мать от него отказалась.

Слова были неприятные. Женщины в огородах покосились на неё, но промолчали.

Все знали, почему госпожа Лю так невзлюбила Цзян Сяои. Изначально старуха Лю хотела сосватать за своего сына Лю Фугуя именно его. Но Лю Фугую нравилась госпожа Лю. Цзян Сяои был черноволосым, худым, как дикая обезьянка, красивым было только лицо. А госпожа Лю была другой — красивая, светлая, с приятным голосом. Каждый раз при встрече она кокетливо называла его «братец Лю». Но и это не всё. Самое главное — у госпожи Лю была пышная грудь и округлые бёдра. Разве ночью обнимать её не приятнее, чем какого-то гэ'эра?

Старуха Лю была против. Молодые смотрят только на внешность, но для семейной жизни нужна хозяйственная жена. Красотой сыт не будешь.

Цзян Сяои был более работающим, чем любой парень. В былые годы во время весенней пахоты те, у кого были быки, запрягали их в плуг. А те, у кого быков не было, а земли было много, либо сами медленно копали мотыгами, либо нанимали Цзян Сяои. Он тянул плуг лучше любого быка. Бык, вспахав два му, нуждался в отдыхе, а Цзян Сяои за хорошую плату мог работать без перерыва всё утро. Он рубил дрова и носил их продавать в город огромными вязанками. Взять его в дом — всё равно что получить троих работников, и о делах в поле можно было не беспокоиться. Хотя гэ'эрам и сложнее рожать, у старухи Лю было три сына, так что без внуков она бы не осталась. Единственным недостатком были два младших брата на его попечении.

Но Лю Фугуй всё же женился на госпоже Лю. Та, выйдя замуж, родила подряд двоих сыновей и целыми днями ничего не делала, даже за детьми уследить не могла. Старуха Лю постоянно ворчала: «Посмотри на гэ'эра Цзян. Ему было всего четырнадцать-пятнадцать лет, а он один заботился о двух братьях, да ещё и по дому и в поле всё успевал. А ты ничего не делаешь, с двумя детьми справиться не можешь. Знала бы, женила бы сына на гэ'эре Цзян».

Наслушавшись таких упрёков, госпожа Лю, естественно, невзлюбила Цзян Сяои и при каждой встрече отпускала в его адрес колкости.

...

Цзян Сяои, боясь остаться голодным, засадил овощами весь огород. Он каждый день поливал грядки, и овощи росли хорошо. Придя на место, он выдернул несколько луковиц, нащипал овощей на ужин и вместе с Цзян Сяосанем принялся косить траву для свиней.

Своей свиньи у них не было, но у старшей ветви семьи было две: свиноматка и боров на мясо. Свиноматка ела много, ей требовалось три больших ведра корма в день. Старшая ветвь хорошо к ним относилась, часто помогала. Дарить что-то дорогое они не могли, денег не было, но и принимать помощь просто так было нельзя. Поэтому Цзян Сяои и Цзян Сяосань, когда было время, косили траву или рубили дрова и относили им.

Накосив травы, они вернулись домой. Во дворе никого не было, но из правой комнаты доносился звонкий смех.

Цзян Сяои оставил корзину и вошёл в дом. На кровати, болтая ногами, лежал Цзян Сяозэр. Он наклонился к маленькому медвежонок и то тыкал его в живот, то гладил по голове. Медвежонок, казалось, очень любил его брата. Он даже сделал сальто, а потом свернулся клубком и покатился по кровати, как мячик. Его брат заливался смехом. Но как только Цзян Сяои подошёл ближе, медвежонок услышал его шаги, поднял голову, посмотрел на него, а потом сел, повернулся и демонстративно выставил ему свой зад.

Цзян Сяои моргнул, озадаченный. Ему показалось, или медвежонок злобно зыркнул на него, будто затаил обиду?

Наверное, он так давно не ел мяса, что ему уже мерещится всякое. Но тут в комнату вбежал Цзян Сяосань и, последовав примеру брата, плюхнулся на кровать рядом с медвежонок, собираясь его погладить. Медвежонок внезапно поднял свою короткую лапу и пнул его.

Цзян Сяосань не рассердился и снова протянул руку. Медвежонок пнул его ещё раз.

Цзян Сяои всё понял. Этот медвежонок наверняка злился на них с Сяосанем за то, что они хотели его заколоть утром.

Но разве медведи могут быть такими сообразительными?

Цзян Сяои встал прямо перед медведем. Тот снова повернулся, показывая ему свой зад.

Цзян Сяои не сдавался. Он опять обошёл его и встал спереди. Бай Цзыму поднял голову, свирепо посмотрел на него и снова отвернулся.

Этот парень был просто невыносим.

Чёрт, он хотел съесть медведя!

Просто возмутительно... Стоп, почему у меня задница мёрзнет?

Бай Цзыму почувствовал неладное, повернул голову и увидел Цзян Сяосаня. Тот, с двумя ручьями соплей под носом, смотрел на его задницу, как похотливый кабан на прекрасную даму.

Да, задница у него была мясистая и сексуальная, но этот хищный взгляд заставил Бай Цзыму похолодеть.

Он вскарабкался на руки Цзян Сяоэра. Тот сначала удивился, а потом, как ребёнок, получивший любимую игрушку, радостно обнял Бай Цзыму.

— Ух ты! — восхитился Цзян Сяосань. — Второй брат, мишка дал себя обнять!

— Ага! — Цзян Сяоэр кашлянул пару раз. — Мишка такой милый и послушный, и мягкий. Брат, я хочу сегодня спать с мишкой, можно?

Его глаза сияли. Видимо, от волнения и смеха его щёки покраснелись. Цзян Сяои, видя, как сильно ему понравился зверёк, подумал и сказал:

— Можно, но сначала его нужно искупать.

Собранную траву нужно было отнести. Цзян Сяоэр сам едва мог налить себе воды для умывания, ему уже было пять лет, а Цзян Сяои всё ещё помогал ему мыть попу. Он думал, что вернётся, приготовит мясо и тогда искупает медвежонка. Но Цзян Сяосань, будучи очень трудолюбивым ребёнком, тут же вызвался:

— Я! Я нагрее воду!

Бай Цзыму замер.

Почему-то от этих слов у него снова возникло дурное предчувствие.

<http://bllate.org/book/13701/1581495>